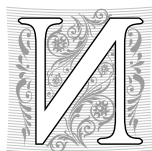

М.М. Якушев

Тайная дипломатия России в Царьграде в 1701–1710 гг.

История русской секретной службы на Босфоре в период правления Петра I является интересной страницей в истории России. У истоков создания разведывательной сети в Константинополе стояли видные дипломаты из числа ближайших сподвижников Петра I.

Особый вклад в становление русской дипломатии и военной разведки в Константинополе внесли Емельян Иванович Украинцев, Дмитрий Михайлович Голицын, Петр Андреевич Толстой и Петр Павлович Шафиров. Немаловажно, что Е.И. Украинцев (1689–1697 гг.) и П.П. Шафиров (1706–1708 гг.), назначенные дипломатическими представителями при османском дворе, имели богатый дипломатический опыт, так как ранее возглавляли Посольский приказ.

Согласно Константинопольскому мирному договору 1700 г. российский двор впервые в истории получил право иметь постоянного дипломатического представителя в ранге чрезвычайного посланника при Высокой Порте.

Высокопоставленные российские дипломаты петровского периода, аккредитованные в Константинополе, прибывая к месту службы, приступали к созданию разветвленной агентурной сети и многочисленных секретных каналов получения конфиденциальной информации о внутреннем положении Османской империи и ее внешнеполитических отношениях с иностранными государствами. Русским цареградским дипломатам и разведчикам активно противостояли их иностранные

Русский царь Петр I. Художник Ж.-М. Натье. 1717 г.
Государственный Эрмитаж

коллеги, главным образом западноевропейские послы и посланники, чьи происки и интриги нередко приводили к столкновению России и Османской империи.

С конца XVII в. одной из ключевых тем переговоров между Россией и Портой был статус Черного моря, так как российское правительство осознавало важность выхода в Черноморский бассейн. При этом оно понимало, что сделать это будет сложно, так как Черное море представляло собой «жемчужину в короне османского султана», а черноморские берега и акватория имели для османского правительства огромное военно-стратегическое и торгово-экономическое значение. Фактически Черное море являлось «турецким озером»¹, а ключом к нему был город Керчь, обладания которым добивалась Россия.

Попытки российских послов на Карловицком мирном конгрессе 1698–1699 гг. получить ключ от Керчи, запирающей выход из Азовского моря в Черное, оказались безрезультатными и были болезненно восприняты Высокой Портой (османским правительством. — М.Я.), обдумывавшей принятие решительных мер по закрытию Керченского пролива.

¹ Орешкова С.Ф. «Турецкое озеро»: Черное море XV–XVII вв. // Восток. 2005. № 3. С. 18–35.

Этому способствовало появление на рейде в Керчи в 1699 г. русского военного флота во главе с царем Петром I, провожавшим торжественное посольство чрезвычайного посланника Е.И. Украинцева на берега Босфора для подписания Константинопольского мирного договора 1700 г., ознаменовавшего окончание Русско-турецкой войны 1686–1699 гг.

Российский двор также предпринял попытку «отворить» Черное море путем получения разрешения на проход через пролив русских купеческих судов, однако эта попытка не дала результата.

Османское правительство тщательно оберегало Черное море от попыток проникновения со стороны иностранных государств. Великий драгоман Порты А. Маврокордато (1673–1709 гг.) во время переговоров с российским посланником в Константинополе Е.И. Украинцевым заявил, что «имеет государство оттоманское те моря, яко чистую и непорочную девицу, и не только иметь на них плавание, но и прикоснуться никогда никого не допустит» и заметил, что «по Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда турецкое государство падет и вверх ногами обратится»².

После отъезда Е.И. Украинцева временным поверенным в делах России в Константинополе стал переводчик миссии С.Ф. Лаврецкий, поддерживавший тесные контакты с русским секретным агентом С.А. Владиславовичем-Рагузинским³, который на одной из встреч с ним проинформировал его, что Порта начала «великое приуготовление» к новому походу, «льют вновь пушки, и старые чистят, и починивают корабли старые», предположив, что османы готовят поход на Морею, но предостерег, «только турки народ лукавой, надобно опасатися, чтоб никого иного не пошли»⁴. Эти сведения были подтверждены одним из главных российских информаторов в Константинополе Иерусалимским патриархом Досифеем II (1669–1707 гг.), посчитавшим, что османское правительство готовит свой флот для захвата Мореи⁵.

Как правило, российские дипломаты встречались со своими агентами за пределами посольского двора, однако были и исключения. 30 января 1700 г. на посольский двор пришел «невольник», бывший казанский

² Толстой П.А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / Сост. И.В. Зайцев и С.Ф. Орешкова. М., 2006. С. 16.

³ Базарова Т.А. Дипломатия Петра Великого и Османская империя // Вестник РФФИ. 2020. № 3 (100). С. 29–42.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89 «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1700. Д. 2. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 28–28 об.

Чрезвычайный и полномочный посланник России в Константинополе П.А. Толстой.
Художники Г. Гзель, И.Г. Таннауер. 1718 г. Государственный Русский музей

стрелец по имени Никитка, сообщивший, что на верфи адмиралтейства чинят корабли и новые строят. По слухам, османы хотят идти под Керчь, чтобы там «нагрузить камнями и загородить корабельный проход в керченское гирло»⁶.

26 октября С.Ф. Лаврецкий сообщил о прибытии османской эскадры из 12 кораблей, а на следующий день пришли еще 24 галеры⁷. Посольские записки передавались либо через Иерусалимского патриарха Досифея II, и тот через греческих монахов переправлял их в Москву, либо отсылались с греческими купцами. В дипломатической переписке упоминаются «тайные приятели», в том числе приближенный патриарха Досифея II Е. Енаки, сообщивший информацию о ссорах французского посла с Портой; врач А. Кара, рассказавший о прибытии делегации из Крыма из-за волнений в ханстве и просьбе вернуть на престол хана, сосланного на Кипр⁸; врач Мушюдук, регулярно посещавший великого визиря и передавший ему предложение П.А. Толстого о ночной встрече⁹.

⁶ Там же. Л. 31–31 об.

⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 89/1. 1700. Д. 2. Л. 26.

⁸ Базарова Т.А. «Ни в какие дела не вступаться»: русские представители в Стамбуле в 1700–1701 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. 2020. Т. 19. № 8. С. 51.

⁹ РГАДА. Ф. 1274 «Панины-Блудовы». Оп. 1. 1710. Л. 235 об.

Чрезвычайный и полномочный посол России в Константинополе Д.М. Голицын.
Художник Ф.М. Славянский. 1848 г. Государственный Эрмитаж

В связи с тем, что пакеты из Москвы приходили в Константинополь нерегулярно и с большой задержкой, российские дипломаты были недостаточно хорошо осведомлены о событиях в России или получали информацию несвоевременно. Например, первые известия о поражении русской армии от шведских войск в Нарвской битве 1701 г. поступили в Константинополь из Западной Европы с опозданием, а русские представители — переводчик С.Ф. Лаврецкий и секретарь М.Р. Ларионов — первоначально отнеслись к ним с недоверием. Однако сначала неутешительные новости подтвердил польский агент А. Былинский, затем — С.Л. Владиславович-Рагузинский, получивший сведения от французских купцов, с которыми он вел торговлю, а потом печальные вести доставили от Иерусалимского патриарха Досифея II.

В 1701 г. для ратификации Константинопольского мирного договора 1700 г. в Османскую империю в качестве чрезвычайного и полномочного посла России при султанине Мустафе II (1695–1703 гг.) прибыл Д.М. Голицын¹⁰. На переговорах с Высокой Портой Д.М. Голицын вновь поднял вопрос «открытия» Черного моря для России, однако все его попытки не принесли ожидаемого результата. По итогам переговоров рейс-уль-куттаб (рейс-эфенди) Рами Мехмед-эфенди (1699–1702 гг.),

¹⁰ Якушев М.М. Церемониал приема иностранных послов при османском дворе в восприятии российских дипломатов (XVIII — начало XIX в.). М., 2024.

Османский султан Мустафа II. *Неизвестный художник. XVIII в.*

курировавший внешнюю политику османского правительства, заявил, что «султан смотрит на Черное море как на дом свой внутренний, куда нельзя пускать чужеземцев, скорее султан начнет войну, чем допустит ходить кораблям по Черному морю»¹¹.

Высокая Порта вынашивала план полного закрытия Керченского пролива. Иерусалимский патриарх Досифей II предупредил чрезвычайного посла Д.М. Голицына, чтобы он больше не говорил о черноморской торговле, так как «турки хотят засыпать проход из Азовского моря в Черное и на том месте построить крепости многия, чтоб судов московских не пропустить в Черное море», отметив, что если вопрос будет вновь поднят, то османы «непременно засыплют ход... когда же засыпан будет ход, то хотя бы сто тысяч судов наделано было у великого государя, нельзя им будет плавать по Черному морю»¹².

Высокую Порту беспокоило присутствие русского флота в Азовском море. В 1702 г. султан Мустафа II потребовал от России убрать суда из Азова и Таганрога, ликвидировав Азовский флот, и остановить строительство новых кораблей на воронежских судоверфях. В том же году Порта стала укреплять Керчь, строить Еникале и отсыпать каменную дамбу поперек Керченского пролива.

¹¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VIII. Т. 15–16. История России с древнейших времен. М., 1997. С. 77.

¹² Толстой П.А. Состояние народа турецкого в 1703 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1914. № 51. С. 67.

В 1702 г. в Османскую империю в качестве чрезвычайного посланника России приехал П.А. Толстой (1702–1710 гг.)¹³, ставший первым постоянным российским дипломатическим представителем при османском правительстве. Секретная инструкция предписывала П.А. Толстому собирать ценную информацию о государственном управлении Османской империи, ее связях с европейскими державами, о состоянии османской армии и т.д.: «выведывать и описывать тамошние народы, какое там правление, какие правительственные лица, какие у них с другими государствами поступки в воинских и политических делах... какие к войне тайные приготовления, против кого, морем или сухим путем», «проездивать подлинно и записывать у себя тайно, а буде что нужнейшего будет, писать с нарочным посылащиком»¹⁴. Свои наблюдения П.А. Толстой оформлял в виде посольского дневника, «статейного списка», «отписок на тайные статьи» или полноценных сочинений, в том числе «Состояние народа турецкого в 1703 году» и «Описание Черного моря и Архипелага со всеми городами и гаванями, на славянском языке».

Высокая Порта принимала П.А. Толстого за «шпиона», присланного разведать «слабые места» в различных сферах и помочь начать военную кампанию против Османской империи. П.А. Толстой не жалел денег на подкуп высокопоставленных чиновников Порты. Посольский приказ высылаал огромные суммы на ценные подарки и выплаты «тайным осведомителям», в том числе из числа османских сановников, сообщавших бесценную информацию о положении дел в Османском государстве.

П.А. Толстой не только описывал то, что он мог наблюдать в ходе общения с османскими подданными: особенности их поведения, иерархию в обществе и на государственной службе, существующий порядок при османском дворе, но и передавал фактические сведения о состоянии сухопутных и военно-морских сил, главным образом черноморского флота Османской империи, в котором были произведены перемены в техническом оснащении и организации управления, а также проведен переход от весельного флота к парусному¹⁵.

¹³ С началом Русско-турецкой войны П.А. Толстой был заключен в Семибашенный замок и находился в заточении свыше полутора лет. П.А. Толстой покинул Константинополь в 1714 г. Часть своего срока в темнице он провел вместе с чрезвычайными и полномочными послами бароном П.П. Шафировым (1711–1714 гг.), графом М.Б. Шереметевым (1711–1714 гг.) и М.П. Бестужевым-Рюминым (1713–1714 гг.).

¹⁴ Письма и бумаги императора Петра I. Т. II. СПб., 1899. № 419. С. 34.

¹⁵ Орешкова С.Ф. Немировский конгресс. От двусторонних османо-российских отношений к Восточному вопросу. М., 2015. С. 63.

Чрезвычайный и полномочный посол России в Константинополе П.П. Шафиров.
Неизвестный художник. Между 1840–1860 гг. Государственный Эрмитаж

Османскому флоту П.А. Толстой уделил особое внимание, поскольку царь Петр I стремился сделать Россию великим морским государством и поэтому кораблестроение и навигация были одними из приоритетных направлений «для освоения и разведывания». В этой связи был особенно востребован опыт такой географически и исторически сложившейся морской державы, как Османская империя. П.А. Толстой детально описал состояние османских морских сил, количество имевшихся у Порты военных судов, привел сведения об османском морском уставе (1701 г.¹⁶) с описанием всех чинов, перечнем их обязанностей и суммами денежного вознаграждения¹⁷. В целом П.А. Толстой положительно оценил состояние османского флота, но при этом упомянул, что «не способны могут у них строится корабли, как галеры», так как «недостатками денежными утесняются от морского флота и от великого иждевения денежного, в заводе кораблей, которые делали недавно». Он также отметил, что «корабли турецкие суть крепки, яко и французские, сшиваны великими железными гвоздми»¹⁸.

¹⁶ В России подобного устава в это время не существовало.

¹⁷ Мнякина М.К. П.А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343). Т.15. С. 74–77.

¹⁸ Толстой П.А. Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века). М., 1985. С. 64, 67, 69.

Следует заметить, что, когда в 1714 г. чрезвычайные послы П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев с разрешения Порты осматривали военные корабли в константинопольском порту, они отрицательно оценили состояние османского флота, констатируя, что в «преизрядном порте на Босфоре из 40 судов не нашли удобных к ходу морскому больше 20, а другие зело плохи и ветхи, а иные малы, а именно некоторые из взятых у малтезов преж сего, у геновезов», громадный адмиралтейский 120-пушечный корабль «зело плохой, по пропорции походил на флейты гананские и, сказывают, что, никуда не ходя, сгнил уже в порте... и ныне его валяют, и починяют, и конопатят, а и все их пропорции плохой, с шпигелями плоскими и пузаты, подобно италиянским»¹⁹.

Продвижение России в Черноморском регионе и необходимость коммуникации с местным населением привели к возрастанию потребности в привлечении к дипломатической и разведывательной деятельности иностранных специалистов. Вполне естественно, что требовалось глубокое знание региональной специфики и умение свободно говорить и писать на иностранных языках. В этой связи кадровый дефицит был восполнен путем привлечения переводчиков и секретарей, находившихся на службе в константинопольских миссиях и посольствах, знавших местные особенности и владевших несколькими иностранными языками. Некоторые из драгоманов-османлы (подданных султана. — М.Я.) нанимались на русскую государственную службу и трудились в Константинопольской миссии. Ряд принятых на работу секретарей и переводчиков были в родственных связях с местными драгоманами-фанариотами²⁰ и драгоманами-перотами²¹, обосновавшимися в османской столице.

В начале XVIII в. в Константинопольскую миссию направлялись толмачи и переводчики из Посольского приказа, приезжали на «стажировку» ученики «переводческих дел». Кроме того, к переводам привлекались дети сотрудников миссии. Однако именно драгомены составляли костяк тайных цареградских агентов России.

Параллельно создавался корпус русских драгоманов-ориенталистов, стоявших у истоков формирования русских дипломатической, переводческой и разведывательной школ в Царьграде.

¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 89/3. 1714. Д. 3. Л. 125 об.

²⁰ Фанариотами называли греческое население константинопольского района Фанар.

²¹ Перотами, или франками, называли христианское население константинопольских районов Пера и Галата.

В начале XVIII в. тайными агентами России в Царьграде были переводчики и секретари иностранных дипломатических представительств: секретарь голландского посла Якоба Колиера (1694–1725 гг.) Вильям Тейлс (ум. 1725 г.) и его сыновья, Доменико Форнет и его сыновья, секретарь английского посла в Константинополе сэра Роберта Саттона (1700–1717 гг.) Лука Барка-старший и его племянники, а также драго-маны других дипломатических представительств западноевропейских посольств и миссий на Босфоре: Гаспар Теста, Жан-Батиста Савар, Джованни Батиста Навон (ум. 1715 г.)²², Пьетро Бьянка, Матео Каретта и др.

Секретные сведения о военно-политическом положении Османской империи собирали представители известной цареградской семьи рагузинских драгоманов, племянники Луки Барки-старшего (ум. 1709 г.), которого Константинопольской миссии рекомендовал знаменитый торговый агент и «секретный осведомитель» С.А. Владиславович-Рагузинский. В секретной корреспонденции у дубровчан братьев Барка, как и у других «тайных приятелей» русского правительства, вместо имен были зашифрованные псевдонимы: Луку Барку именовали «Макарий Степанов» и «Лука Кириков» (ум. 1749 г.), а Николая Барку называли «Николай Чернышёв» и «Николай Кириков».

В 1707 г. после смерти главного информатора России в Константинополе Иерусалимского патриарха Досифея II его место занял представитель Римско-католической церкви в Османской империи, апостольский нунций, архиепископ Анкирский Кирилл Галани, уроженец Рагузы, принявший католичество с именем Раймондо²³. В этой связи стоит отметить, что поляк по происхождению С.Ф. Лавреуцкий до принятия православия был монахом ордена Святого Доминика, что способствовало его сближению с Галани. В дипломатической переписке упоминается еще один информатор из католической среды, завербованный П.А. Толстым — ксендз ордена Святого Бенедикта Бернарди, сообщивший о подготовке войны за испанское наследство²⁴.

П.А. Толстой собирал информацию об османской армии, отмечая, что «народ турецкой на боях велми яр», «к войне все прилежание имеют», «все их военное искусство во множестве»²⁵. Российский посланник передавал сведения о вооружении, военных инженерах, пехоте и кон-

²² Семья Навон наряду с семьей Пирон входила в число основных переводческих династий османской столицы.

²³ Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 15–21.

²⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 89/1. 1700. Д. 2. Л. 2об.

²⁵ Артамонов В.А. Русско-турецкая война 1710–1713 гг. С. 106.

нице, так как государь Петр I интересовался, не обучаются ли османы на европейский манер, на что чрезвычайный посланник написал в отчете, что «турки никогда не имели такого поведения, еже учить свою конницу европским обучением, а в своем обыкновенном строю измлада все суть звичаны на конях сидеть»²⁶. Про османских пехотинцев П.А. Толстой писал, что «пехота турецкая янычане (янычары. — М.Я.) состоит-ся в древнем своем обучении, а новаго никакова строю ниже слышати не хотят»²⁷. Вместе с тем П.А. Толстой, описывая иерархию в янычарском и сипахийском войсках, отметил, что жалованье янычарам, сипахи и всем военным людям выплачивалось из государственной казны, однако «янычанам иногда случается, что месяцев 6 или 8 не дают жалования за оскудением денег, и они довольствуются и терпят»²⁸.

Российское правительство нуждалось в подробной и объективной информации по состоянию морского флота в черноморских гаванях и военных крепостей на берегах Черного моря. В числе секретных инструкций П.А. Толстому было поручение выяснить «в черноморском протоке (что у Керчи) хотят ли какую крепость делать и где и какими мастерами или засыпать хотят и когда ныне ли или во время войны»²⁹. В 1702 г. венецианский посол Л. Соранцо (1699–1703 гг.), с которым у российского посланника П.А. Толстого были доверительные отношения, передал ему чертеж новой османской крепости, а в 1703 г. П.А. Толстой направил царю Петру I чертеж «Керченского гирла с новым строением»³⁰.

Через секретного агента Л. Барку-старшего, имевшего хорошие связи в османских правительственных кругах, П.А. Толстой стремился выяснить настроение Порты и ее намерения относительно судьбы Керченского пролива³¹: «на гирле керченском для возбранения ходу корабельнаго не замышляют ли каковые крепости построить»³². По сведениям Л. Барки-старшего, Порта собиралась укрепить положение в Керченском проливе за счет строительства на острове или скале крепости, но пока не приступила к этому из-за недостатка средств³³.

²⁶ Толстой П.А. Русский посол в Стамбуле. С. 99.

²⁷ Там же. С. 101.

²⁸ Там же. С. 60.

²⁹ Толстой П.А. Состояние народа турецкого в 1703 г. С. 127.

³⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 89/1. 1703. Д. 3. Л. 73 об.

³¹ Шаповалов С.Н. Османские планы по закрытию Черного моря в начале XVIII в. // Общество: философия, история, культура. Краснодар. 2020. № 5. С. 78–82.

³² Толстой П.А. Описание Черного моря. С. 14.

³³ Там же. С. 28.

П.А. Толстой уверял Посольский приказ, что османы «большой страх имеют от новопостроенного царского величества морского московского флоту» и первоначально собирались засыпать проход из Азовского моря в Черное, однако окружение великого визиря, действуя под влиянием подарков, убедило его, что этот поступок навредит его положению при султанском дворе: «ежели он тою протоку засыплет, великое вечное на себя приведет бесславие и срамоту, яко бы имея страх от московских кораблей и не могуще вымыслы и воинскою силою им противится, засыпает морские протоки... и таким слухом сей везир от намерения своего о засыпании той черноморской протоки воспытался, а немерился всеконечно делать в том месте город»³⁴. Тем не менее существовала вероятность того, что в случае если между Россией и Портой начнется морская война, османское правительство готово засыпать протоку: «понеж превеликой имеют страх от московской военной флоты»³⁵.

Последнее сообщение о намерении Порты перегородить Керченский пролив было привезено из Константинополя в Россию в 1706 г. В нем содержится информация о том, что османские сановники «имеют намерение полностью загородить гирло, чтобы нельзя было пройти из Азовского моря в Черное»³⁶.

Переговоры П.А. Толстого с Высокой Портой по вопросу свободы русского судоходства в Черном море не увенчались успехом, и, по его словам, османы «начинают иметь великую осторожность, а паче от Черного моря», однако «о засыпании гирла морского вышло у них из мысли»³⁷.

В связи с враждебной политикой ряда европейских дворов П.А. Толстой был вынужден держать в поле зрения деятельность их дипломатических представителей. Франция поддерживала Османскую империю во время ее войны со Священной лигой, однако Высокая Порта, по словам П.А. Толстого, считала, что французы «то чинили для своих нынешних дел, а не для того, чтобы учинить приятство туркам»³⁸. Кроме того, Франция намеревалась сделать Высокую Порту своим союзником в войне за Испанское наследство и пыталась подтолкнуть Священную Римскую империю к войне с Россией. Французский посол Шарль де Ферриоль

³⁴ Толстой П.А. Состояние народа турецкого в 1703 г. С. 127–128.

³⁵ Там же. С. 128.

³⁶ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 1. СПб., 1864. С. 340.

³⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 68.

³⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 89/1. 1703. Д. 2. Л. 197.

Шведский король Карл XII. *Неизвестный художник. 1697 г.*

(1699–1711 гг.), пользовавшийся авторитетом среди западноевропейских коллег и имевший большое влияние на османских сановников, пытался побудить Османскую империю выступить против Австрии, в то время как Англия и Голландия стремились этому противостоять. В этой связи П.А. Толстой сообщил, что «посол французский всячески в сем трудится... Но английский и голандский [послы] отворенные очи к сему делу имеют и как могут французы противятся и уже бог весть коликое число потеряно с обеих сторон денег в различных вещах, которые в дары от них отсылаются»³⁹.

В 1705 г. Франция, имевшая союзный договор со Швецией, заключенный в 1698 г., стала еще больше сближаться с ней и начала открыто проводить антирусскую политику в Османской империи, провоцируя ее на войну с Россией. П.А. Толстому пришлось противостоять французскому послу барону Шарлю де Ферриолю. В переписке с П.А. Толстым российский посол в Амстердаме А.А. Матвеев (1699–1712 гг.), характеризуя действия посла Франции в Константинополе Пьера Пушо Дезальера (1711–1716 гг.), отмечал, что французы «с виду друзья, а з другой стороны при Порте молотами обивают головы наши из всей души своей»⁴⁰. В 1707 г. П.А. Толстой писал, что французский король Людовик XIV (1643–1715 гг.) предписывал своему послу Ферриолю, чтобы он «всяким

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. 1704. Д. 2. Л. 24.

Французский король Людовик XIV. *Неизвестный художник. 1685 г.*

образом потщился Порту привести в ссору с Российским государством и неотступно бы о том помышляя, хотя и с великим иждивением; и посол оный, умысля, что ему одному Порту в такое дело привести трудно и ведая, что явными поступками не скоро меня может осолить и я буду чинить прешкоду, того ради согласился тайно с ханом крымским»⁴¹, и в том же году в Константинополь прибыл посланец крымского хана Каплан Герая (1707–1708 гг.), который, действуя заодно с французами, «промышлял с великим прилежанием привести Порту с Российским государством в ссору»⁴².

После победы в Полтавской битве 1709 г. во время Северной войны со Швецией Россия превратилась в мощную военную державу и стала представлять прямую угрозу Османской империи, которая стремилась вывести из-под ее контроля Речь Посполитую и отвоевать Азов, что стало одной из основных причин начала Русско-турецкой войны 1710–1713 гг.

В начале 1710 г. Россия занималась строительством флота на Дону и гавани в Таганроге. Великий визирь Кепрюлюзаде Нуман-паша во время беседы с П.А. Толстым поинтересовался причиной строительства большого количества судов на Дону, на что российский посланник отвечал, что достраивались давно заложенные корабли и царь Петр I

⁴¹ Там же. 1707. Д. 2. Л. 50.

⁴² Там же. Л. 31.

Османский султан Ахмед II. Художник Капыдаглы. XVIII в.

не предпринимает никаких враждебных действий при существующем между двумя государствами перемирии.

Французский и шведский дворы продолжали подталкивать Османскую империю к развязыванию войны с Россией. 7/18 ноября 1710 г. при подстрекательстве «зложелателей» французского посла Пьера Пушо Дезальера⁴³ и крымского хана Девлет II Герая (1709–1713 гг.), «метавшихся всюду денно и нощно как бешеные собаки», а также шведского посланника при Порте Мартина Нейгебауера (1709–1711 гг.) султан Ахмед III (1703–1730 гг.) объявил войну России. Томас Функ (1711–1713 гг.), сменивший на посту М. Нейгебауера, продолжил «злонамеренную» политику Швеции в отношении России с целью сорвать проведение мирных переговоров. Так, шведы, «нарядя своего секретаря в турецкое платье», неоднократно подавали «мемориалы» султану Ахмеду III, когда тот ходил в мечеть Айя-София. Великий визирь Силахдар Сулейман-паша (1712–1713 гг.) отмечал, что Т. Функ и его сотрудники надевали «арнаутское, а иное армянское платье» и ходили «по ночам неведомо куды и многия разглашают лжи и всеають, где могут плевели... к тому прочие безделицы... и что оные забавляются с турецкими блятками»⁴⁴. Силахдар Дамат Али-паша (1713–1716 гг.) также обращал внимание на то, что

⁴³ Спустя почти 40 лет его сын Роланд Пушо Дезальер (1747–1755 гг.) будет послом Франции в Константинополе.

⁴⁴ Артамонов В.А. Русско-турецкая война 1710–1713 гг. С. 106.

Османский султан Ахмед III. *Неизвестный художник. XVIII в.*

шведские и польские дипломаты занимались распространением анти-русских слухов и разглашений среди константинопольских жителей.

Цесарский⁴⁵ резидент при Высокой Порте Иоганн Людвиг фон Тальман (1703–1711 гг.) дезинформировал османское правительство, сообщая ему заведомо ложные сведения, в том числе клеветническую информацию об амбициях Петра I, распространяя разглашения, якобы цесаревич Алексей, находясь в Вене, «жену берет цесарскую». Провокация И.А. фон Тальмана вызвала подозрение, что он был подкуплен французами⁴⁶. Сменивший его на посту цесарского резидента в Константинополе Ансельм Франц фон Флейшман (1711–1719 гг.) также занимался распространением заведомо ложной и искаженной информации о России. Шведские дипломаты пугали Порту, что Петр I создаст «греко-восточную монархию» на развалинах Османского государства. Ходили слухи, что шведы предоставляли османам отпечатанные в Амстердаме гравюры с изображением русского царя и надписью «Греческий импе-

⁴⁵ Дипломатических представителей венского двора в Константинополе называли «чрезвычайными интернунциями» и «римскими императорскими интернунциями», так как Австрия заключила с Портой перемирие и поэтому имела при ней лишь временного представителя. В XVIII в. эмиссаров Священной Римской империи при Порте именовали «римско-цесарскими резидентами» или «венгерско-богемскими резидентами». Это название перешло на постоянного австрийского посланника при османском дворе.

⁴⁶ Артамонов В.А. Русско-турецкая война 1710–1713 гг. С. 240.

ратор»⁴⁷. Англия, Австрия, Голландия и Венеция также вмешивались во внутренние дела Порты, однако действовали аккуратно, открыто не выступая за войну России с Османской империей.

Таким образом, в начале XVIII в. благодаря деятельности в Царьграде выдающихся русских дипломатов П.А. Толстого и П.П. Шафирова на Босфоре была создана разветвленная разведывательная сеть с множеством секретных каналов и тайных агентов, своевременно предоставлявших в Посольский приказ достоверную и полезную информацию, вносившую вклад в выстраивание внешней политики России в Османской империи и укрепление российских позиций на международной арене.

⁴⁷ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 69.

References

1. Artamonov V.A. Rossiya i Rech Pospolitaja posle Poltavskoj pobedy (1709–1714) [Russia and Polish-Lithuanian Commonwealth after the Poltava victory (1709–1714)]. M., 1990 (*in Russian*).
2. Artamonov V.A. Russko-turetskaja vojna 1710–1713 [Russian-Turkish war 1710–1713]. M., 2019 (*in Russian*).
3. Bazarova T.A. Diplomatiya Petra Velikogo i Osmanskaja imperija [The diplomacy of Peter the Great and the Ottoman Empire] // Vestnik RFFI (RFBR journal). 2020. № 3 (100). P. 29–42 (*in Russian*).
4. Bazarova T.A. «Ni v kakije dela ne vstupatsja»: Rossijskie predstaviteli v Stambule v 1700–1701 gg. [Russian representatives in Istanbul 1700–1701] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Novosibirsk State University). 2020. T. 19. № 8. P. 45–56 (*in Russian*).
5. Kulnich A.A. Rukopisnaja kopija statejnogo spiska P.A.Tolstogo v sobranii Paninih — Bludovyh [Handwritten copy of the article list] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Bryansk State University). 2019. № 1. P. 73–80 (*in Russian*).
6. Mnyakyna M.K. Tolstoj i ego opisanie Osmanskoj imperii nachala XVIII veka [Tolstoj and his description of the Ottoman Empire at the beginning of 18-th century] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Chelyabinsk State University). 2014. № 14 (343). Vol. 15. P. 74–77 (*in Russian*).
7. Oreshkova S.F. «Turetskoezero»: chornoemorev XV–XVII vv. [«The Turkish lake»: the Black Sea in 15-th–17-th centuries] // Vostok (Oriens). 2005. № 3. P. 18–35 (*in Russian*).
8. Shapovalov S.N. Osmanskije plany po zakritiju Chernogo morja v nachale XVIII veka [The Ottoman plans to take over the Black Sea at the beginning of 18-th century] // Obshestvo: filosofija, istorija, kultura (Society: philosophy, history, culture). Krasnodar. 2020. № 5. P. 78–82 (*in Russian*).
9. Tolstoj P.A. Opisanie Chernogo morja, Egejskogo arhipelaga i osmanskogo flota [The description of the Black Sea, Aegean Archipelago and the Ottoman fleet]. M., 2006 (*in Russian*).

10. Yakushev M.M. «V protivnost miru... nichego ne chinitsja». Ot Tsargrada do Belgrada: rossiysko-osmanskije voenno-diplomaticheskie otnoshenija (1700–1740 gg.). [«In opposition to peace noting is done». From Tsargrad to Belgrade: Russian-Ottoman military and diplomatic relations (1700–1740)] // Voенно-istoricheskij ghurnal (Military Historical Journal). 2024. Vol. 1 (765) / . P. 76–87 (*in Russian*).
11. Yakushev M.M. Stanovlenie russkoj diplomatii i razvedki na Bosfore v 1700–1720 gg. [Establishment of Russian diplomacy and military intelligence on the Bosphorus in 1700–1720] // Istoricheskij vestnik (Historical Reporter). 2023. Vol. XLVI. N. 1. P. 46–65 (*in Russian*).
12. Yakushev M.M. Tseremonial prijoma inostrannyh poslov pri osmanskom dvore v vospriyatii Rossijskih diplomatov v XVIII — nachale XIX veka [Ceremonial Reception of Foreign Ambassadors at the Ottoman Court in the Perception of Russian Diplomats (18-th — early 19-th century)]. M., 2024 (*in Russian*).

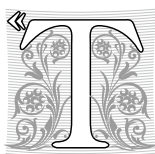

Ключевые слова:

Россия; Высокая Порта; Черное море; Константинопольский мирный договор 1700 г.; Петр Толстой; Петр Шафиров; тайная дипломатия; внешняя политика

Mikhail M. Yakushev

Russian Secret Diplomacy in Tsargrad in 1701–1710a

he article touches upon the creation and the development of the Russian intelligence network in Tsargrad after the establishment of the Russian permanent diplomatic mission on the Bosphorus in the context of international relations. The Russian government recognized the importance of the Azov Sea, the Kerch Strait and the Black Sea in the relations between the Russian and the Ottoman states at the beginning of the 18th century. These relations shaped a part of the main directions of Russian foreign policy in the region. Russia sought to obtain the right to free navigation through the Strait of Kerch and the Black Sea. The Sublime Porte intended to implement the plan to close the Kerch Strait for Russian vessels and to prohibit them to enter the Black Sea. In 1701–1710 diplomatic and military intelligence contributed to the target of Peter the Great to open the Black Sea for Russia.

Keywords: Russia; Sublime Porte; the Black Sea; the Peace Treaty of Constantinople (1700); Piotr Tolstoj; Piotr Shafirov; Secret Diplomacy; Foreign Policy

Mikhail M. Yakushev — Ph.D in History, First Secretary of Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

SPIN-код: 8178-3806, AuthorID: 875714

mmyakushev456@gmail.com

Якушев Михаил Михайлович

кандидат исторических наук, первый секретарь Историко-документального
департамента МИД России, старший научный сотрудник

Института востоковедения РАН

SPIN-код: 8178-3806, AuthorID: 875714

mmyakushev456@gmail.com